

Девочки

Автор:

Полина Денисова

Девочки

Полина Денисова

Кто-то утверждал, что женской дружбы не бывает? Дружба в этой истории очень и очень крепкая. И настолько же страшная.

Ирочка и Марина подружились первого сентября первого класса. Наверное, если бы не Марина, то горько плачущую Ирочку и вовсе было бы не оторвать тогда от родителей – хрупкая и беленькая, вся какая-то прозрачная, с огромными бантами, она плакала так горько и искренне, что у матери и самой на глазах появились слезы. И когда надежда загнать домашнюю, не знавшую детского сада, Ирочку в класс уже начала таять, к ним и подошла Марина. Она была намного крупнее – выше и шире в плечах, с крепкими ножками, а ее нарядную белую блузку распирали толстенький девчачий животик.

– Ты боишься, да? – нисколько не обращая внимания на незнакомых родителей, обратилась она к Ирочке.

Ирочка, судорожно всхлипнув, еще крепче вцепилась одной рукой в материнскую руку, а другой в ее сумку, но все же обернулась, и за ее прекрасными прозрачными слезами как будто промелькнул некий интерес. Но уже в следующий момент она заревела еще тоньше и еще жалостнее.

Но Марина и не думала отступить:

– Знаешь, я тоже вчера боялась, и тоже плакала, а теперь уже перестала, я в классе буду самая высокая! – добавила она и быстро чиркнула гордым взглядом по ирочкиным родителям: слышали?

Родители слышали. Беспомощно переглядываясь уже целый час (они и не предполагали, каким адом окажется первое сентября), они наконец-то увидели хоть какую-то надежду. А вдруг эта смешная толстушка с неровно выхваченной челкой и безвкусным дешевым бантиком и впрямь сможет уговорить их болезненную и нервозную дочку?

Марина смогла. Она вдруг бросила свой астровый букет прямо на асфальт, деловито стащила со спины ранец и достала из него куклу. Ирочка, которая все еще жалась к маме, уже перестала плакать и с нескрываемым интересом смотрела на новую девочку, которая тем временем коротко продемонстрировала свою не новую куклу, наряженную в ярко-розовое кримпленовое платьице, и так же деловито уложила ее обратно в ранец.

– Ты завтра тоже приноси куклу, ладно? Только из портфеля не доставай, чтобы никто не знал, мы с тобой будем потихоньку играть. Как тебя зовут?

– Ира, – пролепетала Ирочка и покосилась на мать. Та активно делала вид, что занята ее цветами.

– А меня Марина. Ну что, пойдём? – спросила девочка и неожиданно крепко и властно схватила Ирочку за освободившуюся от цепкой хватки за мать руку.

И Ирочка пошла.

Родители тихо ахнули – такой техники, такого высшего пилотажа от незнакомой семилетки они ожидать не могли. А тем временем Марина уже вела Ирочку по школьным ступеням, и та лишь несколько раз неуверенно оглянулась в сторону родителей. Спohватившись, отец догнал их уже в дверях, приладил на спину ранец и сунул дочери в руку ее шикарный букет, продуманный и заказанный в лучшем цветочном салоне еще в начале августа.

Так началась эта странная дружба, которая позднее не раз сводила с ума ирочкиных родителей, но заставить Ирочку и Марину расстаться было попросту невозможно.

Они сидели за одной партой (об этом в первые же дни сентября договорился с учительницей Ирочкин отец), тихонько шептались о чем-то на переменах, и другие одноклассники для них просто не существовали. После уроков Марина годами ревностно провожала Ирочку домой, и часто оставалась сначала на обед, а потом и до вечера. Они тихонько играли в свои куклы, и родители Ирочки не знали – радоваться им или тревожиться из-за этой странной – водой не разлить – дружбы.

Когда летом после четвертого класса родители объявили Ирочке о поездке в Судак, та отреагировала моментально:

– А Марине можно с нами?

Услышав твердое двустороннее родительское «нет!», Ирочка перестала есть. Она не плакала и не пыталась спорить, а лишь согнувшись, сидела за своим письменным столом или лежала бесплотной тенью на огромной кровати в своей комнате, и на любые вопросы, уговоры и крики лишь беспомощно мотала своей белокурой головкой. Родители сдались уже через два дня – не хватало еще болезненной Ирочке с ее вечной простудой завести гастрит.

В Судак поехали вчетвером, и позднее на пляже, глядя, как плещутся на мелководье их тоненькая Ирочка в сиреновом германском купальничке с оборками и крепкая в свои десять лет Марина в нелепом ситцевом купальнике, перешитом из старого материнского сарафана, родители признали, что идея взять с собой Марину оказалась вовсе не такой плохой. Велика ли затрата – лишний детский билет на самолет, зато Ирочка счастлива и всегда при деле. А купальник они купили Марине новый – ярко-желтый, с тоненькими ляпочками и маленькой юбочкой. Марина была просто на седьмом небе и все гладила скользкую желтую ткань руками, а когда на следующий день, собираясь на пляж, Марину спросили, почему она не в новом купальнике, та очень смутилась и пробормотала, что боится его запачкать.

Учились девочки хорошо – Ирочка легко, а Марина, которая еще в третьем классе нет-нет, да и выхватывала двойки и тройки, классу к шестому подтянулась и выровнялась. Уроки они делали по большей части вместе – с сочинениями помогала мама, а с математикой Марина справлялась прекрасно, помогая и тугодумке Ирочке.

Когда на выпускном после десятого класса Марину вызвали за дипломом следом за Ирочкой (она отставала лишь на одну пятерку), родители Ирочки лишь красноречиво и гордо переглянулись – «знай наших!». Мать Марины была здесь же, но ирочкины родители никогда не стремились быть к этой многодетной и не слишком благополучной семье ближе – им вполне хватало одной Марины.

С годами они по-своему полюбили ее, она была словно ангелом-хранителем для их слабенькой и болезненной дочери. Однажды в шестом классе им даже пришлось сильно поспорить за нее с директором школы, когда Марина серьезно расквасила нос и сломала руку мальчишке из параллельного класса. Ирочкины родители долго добивались тогда – почему? Но девочки упорно молчали. И лишь когда им пригрозили, что непременно переведут Ирочку в другую школу, то обе заревели и признались: тот обзывал Ирочку «соплёй». Марину простили безоговорочно и навсегда, и тему эту больше не поднимали.

Поступать решили на журналистику, и трудно было сказать, придумала ли это богемная Ирочка, или прямая и целеустремленная к тому времени Марина. Вдвоем, прислонившись спиной к холодной балконной стене, они не раз мечтали, как будут брать интервью у самых серьезных политиков, или писать острые и злобные колонки в больших и солидных газетах. Ирочка заикнулась тогда даже о телевидении, но Марина оборвала это сразу – ерунда. Ирочка не спорила. Они и вообще не спорили, и дружба эта была на удивление ровной – две совершенно разных девочки словно срослись друг с другом. Так, проучившись в одном классе, просидев за одной партой, проведя все десять летних каникул вместе, и практически не расставаясь ни на один день, они не повздорили ни одного разу. Это было удивительно.

Взрослая Ирочка едва ли сильно отличалась от Ирочки-ребенка – те же жиденькие белесые волосы (впрочем, теперь она укладывала их аккуратными крупными локонами), та же прозрачная до синевы кожа, те же тоненькие ручки и писклявый голосок. Впрочем, она все равно была милой – огромные голубые глаза ее светились какой-то грустью, в маленьких аккуратных ушках загадочно мерцали бриллианты (подарок родителей к окончанию школы), за блузкой топорщились невесомые грудки, ловко увеличенные хитрым импортным бюстгальтером, а аккуратные коротенькие юбочки подчеркивали идеальную стройность тоненьких упрямых девичьих ножек.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/denisova_polina/devochki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)